

ВОСТОЧНАЯ СИБИРЬ

Сам себе голова
Бурятским безработным
увеличили возможности

РЕСПУБЛИКАНСКИЕ власти вдвое повысили пособие на организацию собственного бизнеса. С нынешнего года оно составит 114 тысяч рублей. Последний раз, как пояснили в правительстве республики, сумма корректировалась восемь лет назад и уже основательно отстала от жизни. Субсидия на открытие собственного дела пользуется популярностью — в 2017 году такой возможностью воспользовались 484 жителя региона, в основном это были сельчане.

Испытание Сибирью

Жизнь приехавшего из Киргизии фермера полна трудностей, потерь и побед

ЗЕМЛЯКИ

Геннадий Васильев, Красноярск

С киргизского «Шер» переводится как «лев». И судьба ему досталась по-настоящему львиная — полная испытаний, побед и потерь.

В прошлом году у Шера на участке сожгли два трактора: Т-40 и МТЗ-50. Он обратился в суд — было на кого, нерадивый работник взял на себя вину. Того поддержали под стражей и отпустили при условии, что стоимость техники отработает на хозяйстве Шера. А «наказанный», недолго думая, сбежал. Фермер намерен обратиться в суд повторно, указав уже не на горе-исполнителя — на заказчика.

Не принимать близко к сердцу

Шер знает — кто сжег, кто отдал приказ. Даже знает, как именно это сделали: подтащили рулон сена, подожгли...

— Работник взял вину на себя, но я-то знаю: такой рулон в одиночку не подкатаешь, это не по силам одному, — говорит Шер.

Знает, кто и как поджег технику, но не очень понимает — зачем? Хозяйство, которое он ведет на приобретенной на собственные деньги земле, никому не конкурент, таких овец и баранов, как у него, больше все равно ни у кого нет.

Однако людьми нередко движут первобытные инстинкты, они не зависят ни от среды обитания, ни от уровня образования. В самом начале, когда только Шер купил землю, поселился здесь, завел овец, баранов, лошадей, соседи угрожали ему напрямую. Дело даже не в зависти — просто они привыкли считать «ничейную» землю в округе как бы своей, а тут вдруг откуда ни возьмись объявился законный хозяин.

На угрозы физической расправы Шер реагировал спокойно — все-таки бывший боксер-разрядник. Да и другими видами спорта занимался, и в переделках бывал — в таких, когда семеро на одного: когда еще жил в Дудинке, зимней ночью однажды напали трое, с ними совладал, однако еще четверо пришли на подмогу — били насмерть, но выжил. Домой едва приполз, поморозился, отходил долго.

— Их потом пересадили, а мне-то что с того, какая польза? — вспоминает Шер. И тут же подытоживает неожиданно: — Это близко к сердцу нельзя принимать, потому что человек от этого болеет или стареет.

В этом — весь он. Два года назад он мне рассказывал:

— Коней моих до сих пор стреляют, — и опять же без злости резюмировал: — Я знаю, кто стреляет, но не поймал — так не поймал...

Ружья или другого оружия, кроме необходимых в хозяйстве топоров, вил, ножей, Шер на земле не держит. Опасается. Свой участок он называет «центром по

реабилитации алкашей». Просто к нему в работники нанимаются те, кого уже куда не принимают по причине запойного характера. Он берет, но с условием: 100 граммов после бани — и на этом все. Условие выполняется не всегда.

Нерадивый работник, сжегший трактора, купился на чью-то самогонку, выставленную в качестве гонорара.

Взамен сгоревших Шеру пригнали из Кемеровской области

«Их потом пересадили, а мне-то что с того, какая польза? Зло близко к сердцу нельзя принимать, потому что человек от этого болеет или стареет»

подержанный трактор-экскаватор на базе МТЗ, который придется переделывать. Кроме того, диверсия с поджогом обернулась для него не только потерей техники и рабочих рук (работник-то сбежал), но и тратой 137 тысяч рублей на покупку незаготовленного сена для скота. Другой бы ответил, как говорится, «симметрично» — он ведь может сурово, по-мужски. А Шер опять вздыхает сокрушенно и посмеивается: что делать, люди разные...

Откуда он такой взялся здесь, на сибирской земле? Откуда такая, почти всепрощенческая, жизненная философия?

Юг — Север — юг

С Шером Сайтовым мы познакомились случайно. Отдыхали с женой в санатории, в 17 километрах от Сорска в Хакасии. Однажды увидели на дороге самодельный указатель: «Кумыс» — и стрелочка вправо. Кумыс, этот необычный напиток из кобыльего молока, я помню с детства:

мать, работая в санатории для больных туберкулезом, иногда приносила домой бутылочку. Вкус его трудно с чем-то сравнить и невозможно описать. Решили: непременно съездим. Так и познакомились с этим обрусевшим киргизом.

Обрусевшим он называет себя сам, хотя по-русски и сегодня говорит с заметным акцентом. Его история — и типична, если иметь в виду судьбу человека, взросшего советской эпохой, и места

поворотами. Детство свое Шер провел в Киргизии, в селе Октябрьском, неподалеку от города Желалабада. Первый осознанный поступок он совершил, когда только пошел в школу. Сказал: «Хочу учиться по-русски!» — и его отправили в русский класс.

Когда мальчик учился в девятом классе, отец в возрасте 86 лет умер. А почти ровно через месяц умерла мать — ей было 49. — Я помню — она говорила отцу: «Я тебя не оставлю»...

Шер остался фактически один — старший брат был в тюрьме, куда

Овцы и бараны — главная забота и главное достояние фермера. А невзгоды Шер переживает с уверенностью: все хорошо, а будет еще лучше!

попал, скорее, по недоразумению (работал водителем, вез людей в кузове, при маневре человек выпал, убили, брату дали семь с половиной лет). У старшей сестры к тому времени была своя семья, она могла помогать только изредка. Пришлось становиться самостоятельным — Шер на своем велосипеде возил людям покупки, копал за плату чужие огороды и колдовал дрова. Выжил. Более того — находил время заниматься боксом и шахматами. Все это потом пригодилось, бокс — для защиты, шахматы — для «нападения», то есть для умения трезво рассчитать следующий ход.

После школы пытался поступить в Оренбурге в летное училище (то самое, где учился Гагарин). О небе мечтал с детства, но поступить не удалось. Пошел в армию, служил в ракетных войсках, вернулся в село, женился, появилась дочь... Но чего-то не хватало.

Не хватало Севера, о нем он мечтал давно — как о небе. И уехал в Дудинку. Через несколько месяцев туда же перебралась семья. На Севере они вырастили четверых детей, трех дочерей и сына, — и задумались: что дальше? Вечно оставаться там нельзя, вариантов переезда было мало, включая родную Киргизию. Но туда почему-то не хоте-

лось — ни ему, ни жене, ни детям. И тут кстати подвернулась горящая путевка в хакасский санаторий.

Делать только хорошее

Случилось это в 2000 году. Хакасские пейзажи запали в душу. Несколько лет думал, потом продал всю недвижимость, доставшуюся от родителей в Киргизии, и ту, что успел нажить в Дудинке, купил дом в Сорском подсобном хозяйстве, к нему — большой участок земли неподалеку от санатория, в котором лечился. Завел табун лошадей в 25 голов, купил овец. Сегодня в отаре 600 голов. Коней сначала пас табунщик, потом Шер придумал «рационализацию»: на каждом жеребце и на каждой кобыле закреплен специальный маячок, сигнал от которого передается на пульт, это позволяет отслеживать местонахождение табуна онлайн. Шер хотел пойти в своей «рационализации» еще дальше: заказать робота-дрона, чтобы летал над табуном и передавал картинку, но до дела как-то не дошло. А сегодня уже и не нужно: сын, который занимался табуном, решил перебраться в российскую столицу. Лошадей пришлось продать — у самого сил на них уже не хватает.

Случаются, однако, и приобретения. Долгое время в доме, построенном на земле, у Шера не было электричества. В самом начале обещал помочь директор санатория — обещания не сдержал. По нашему совету Шер купил наконец солнечные батареи. На Хакасию солнце светит чаще, чем на туманный Красноярск. Нынче, правда, дни стоят разные, но на вечерний телевизор хватает в любом случае.

Что заслуживает уважения в характере и образе жизни Шера и его семейства: все, что с ним происходит, он устроил сам. Всю свою жизнь, всю судьбу построил. Как мусульманин, он ежедневно совершает намаз столько, сколько положено, и, наверное, бог ему помогает.

Но в этом ли дело? О чем бы ни рассказывал Шер, какие бы события своей жизни ни вспоминал, на всем этом лежит печать неслучайности. Как будто он заранее знал, что будет именно так. И судьба или кто уж там благоволит ему, щадит его, кажется, за эту его спокойную уверенность. Несколько лет назад случился инсульт — перенес его на ногах, лечась амбулаторно; по возвращении из поликлиники, из-под капельницы, — снова копал, пахал, строил. Любимый медик-специалист покрутит пальцем у виска: «Так бывает?!» Оказывается, бывает.

— Если я раньше что-то брал безвозвратно, теперь нужно отдавать. Сверху все учтено, поэтому надо постараться успеть сделать только хорошее всем, не разбирая — хороший или плохой человек...

Ну что еще можно к этому добавить?

ВСЕ НАСТОЯЩЕЕ

Мы сидели вокруг настоящего дастархана в небольшой пристройке к дому. Шер подливал нам кумыс из пластиковой бутылки, предупреждал: «Много его пить не надо, может поднять давление. Который с пузырьками — он уже настоялся, а вот этот — молодой, без градусов». Кумыс мы оценили — и с градусами, и без градусов. Давление осталось в норме. Хмеля не было. Молодая жена хозяина принесла дымящиеся аппетитные манты. Пожалуй, лучших мы во всей Сибири не ели. Дастархан был настоящим, кумыс и манты — тоже. Как и вся его жизнь — настоящая, сложившаяся, полная событий.